

ИСЦЕЛЕНИЕ НА ВОСЬМИ СТУПЕНЯХ ЖИЗНИ*

ДЕННИС и МЭТЬЮ ЛИНН, ШЕЙЛА ФАБРИКАНТ

Книга американских христиан-психотерапевтов Мэтью и Денниса Линнов и Шейлы Фабрикант «Исцеление на восьми ступенях жизни» представляет собой оригинальную творческую разработку эпигенетической теории развития личности Эрика Эриксона, осуществленную авторами-католиками в русле христианской антропологии.

Особо ценной для специалистов эту книгу делает сочетание высокого профессионализма авторов как психологов с не менее строгим следованием традиционному канону догматического наследия Церкви.

Однако главным достоинством книги все же следует назвать даже не богословский и научный профессионализм, а возможность соприкоснуться с живым духовно-психологическим опытом глубоко и искренне верующего человека, для которого научный язык – лишь один из многих языков, что были дарованы христианам в день пятидесятницы. Теоретическая стройность и достоверность свидетельствуемых фактов, богословская обоснованность и практическая направленность здесь не цель, а лишь средство донести до читателя все ту же весть о «радости великой», о которой пели ангелы в рождественскую ночь и о которой мы поем в пасхальную, – радости, возрождающей исковерканные души, исцеляющей самые горькие обиды и преображающей само страдание в Божий дар жертвенной любви.

Этот посыл звучит уже на первых страницах Введения. Отмечая значение семейных поведенческих паттернов для формирования личности

* *Dennis Linn, Sheila Fabricant, Matthew Linn. Healing the Eight Stages of Life. NY-L. Реферативный перевод К.Е.Левицкого, старшего научного сотрудника Регионального центра социопсихологических исследований и диагностики в системе образования.*

ребенка, авторы тут же подчеркивают, что перенесенные психические травмы не являются фатальными факторами, детерминирующими патологичность всей последующей жизни. Однако право выбора – сделать перенесенные обиды проклятием или благословением – остается за человеком. Но само это «делание» (в чем коренное расхождение авторов с секуляризованной и даже так называемой гуманистической медициной), которое заключается в очищении и обновлении души человеческой, – это, как мы бы сказали, функционал не человека, а его Творца и Искупителя.

Авторам одинаково чужды и антропософская самодостаточность, и крайности квиетизма. Они с предельной серьезностью относятся к научным достижениям человеческого разума, но с не меньшей серьезностью подчеркивают недостаточность человеческих усилий для освобождения от власти прошлого. Отмечая, что прошлое представлено в нас памятью о переживаниях любви или боли, они напоминают, что в онтологическом плане прошлое для Бога не менее реально, чем для нас – настоящее. И если без Него мы можем в лучшем случае предать перенесенную боль забвению (со всеми вытекающими отсюда последствиями, началу научного изучения которых положил психоанализ), то осознание присутствия Иисуса при самых драматических переломах судьбы способно преобразить это прошлое, наполнить его новым – иным – содержанием, и тем самым преобразить настоящее и изменить перспективы.

С первых страниц авторы не ограничиваются чисто теоретическими рассуждениями. Практически каждый тезис они подкрепляют убедительными (а нередко – удивительными) клиническими иллюстрациями. Их список открывается историей женщины по имени Линда, перенесшей в детстве сексуальное насилие и на протяжении многих лет страдавшей невротическими и психосексуальными расстройствами. На примере анализа ее болезни и исцеления авторы подходят к мысли о дифференциации жизненных задач, имеющих свою специфику в каждом возрастном периоде. Проводя параллель между «естественным процессом возмужания» и духовным возрастанием во Христе, авторы находят возрастную периодизацию Э.Эриксона вполне приемлемой для обоих процессов. Они приводят пять точек соприкосновения собственных воззрений с концепцией Эриксона:

- 1) опора на понятие *душевного здоровья*, вместо фиксации на патологии, чем нередко грешит медицинская модель психотерапии;
- 2) убежденность Эриксона в *принципиальной излечимости* любого расстройства, перекликающаяся с христианской убежденностью в конечной победе Христа над любым злом;
- 3) ориентация в большей мере на закономерности *психосоциального* развития, нежели психосексуального;

4) утверждение, что не только детство, но *каждый жизненный этап* открывает новые возможности для личностного роста (и христиане согласны с Эриксоном, что этот рост есть *возрастание в любви*);

5) отказ от категорической полярности в оценке особенностей того или иного периода и понятие о расстройстве как *нарушении здорового баланса* между недостаточностью и чрезмерностью эксплуатации отпущенных человеку естественных способностей и дарований.

Авторы предупреждают от использования эриксоновской периодизации в качестве жесткой схемы, и подчеркивают, что неповторимость индивидуальности каждого человека проявляется, в частности, отсутствием четких временных границ и однозначности в разрешении проблем тех или иных возрастных критических периодов.

В конце введения авторы подчеркивают важность не только работы с травматичными воспоминаниями, но и опоры на позитивный психологический опыт прошлого; используя библейский материал наряду с собственным клиническим, они утверждают, что позитивный опыт является могучим подспорьем в борьбе с отчаянием в критические периоды жизни.

Введение завершается таблицей возрастной периодизации по Эриксону. Здесь содержатся характеристики интрапсихических новообразований и радиусы значимых социальных связей, специфичных для каждого из периодов.

Последующие восемь глав посвящены соответствующим восьми «ступеням жизни». Каждая очередная глава предваряется выразительной фотографией и художественным, историческим или публицистическим вступлением, играющим роль своего рода эпиграфа. В структуру главы входит анализ психофизиологического и психосоциального аспектов соответствующего периода, их значения для духовного роста ребенка, клинические иллюстрации.

Первая глава посвящена периоду младенчества, в ходе которого, по Эриксону, формируется первичное *базовое доверие/недоверие к миру*. Авторы приводят данные исследований д-ра Фрица Тальбота в госпиталях Германии и Соединенных Штатов, а также собственные наблюдения в больницах Боготы, убедительно доказывая необходимость любви для нормального психического и даже физического развития ребенка. Причем, она непременно должна находить выражение в ласковом прикосновении к нему. Анализ результатов социопсихологических исследований позволяет провести четкие корреляции между культурально обусловленной тактильно-сенсорной депривацией в период младенчества и распространенностью случаев насилия и химических зависимостей в данной популяции.

Приводятся данные о необходимости для успешного развития ребенка не только материнской, но и отцовской ласки. Особое внимание авторы уделяют проблемам пренатальной психологии, небездоказательно

утверждая, что большое число проблем психосоциального плана берет начало еще в утробе матери. Огромное значение при этом приобретает вопрос об отношении будущей матери к своему малышу, желанности или нежеланности беременности и т.д.

Авторы полагают, что опыт общения с любящими и заботливыми родителями в период младенчества совершенно необходим для правильного формирования у человека представлений о Боге. Шейла Фабрикант, в частности, анализируя особенности немецкого богословия, где Бог нередко предстает как далекий, недоступный, лишь изредка снисходящий до общения с человеком (и то лишь после долгих, сопровождаемых слезами молитв), отмечает, что в германской педагогике старых времен господствовал обычай не брать детей на руки, когда они плачут. Считалось, что это способствует выработке у ребенка самодисциплины.

Автор ставит особенности национального религиозного менталитета в прямую зависимость от особенностей характера взаимоотношений с родителями в младенческом возрасте. С другой стороны, нельзя не согласиться с их утверждением, что неверующие родители, не ощущающие себя в руках любящего и заботливого Бога, вряд ли смогут дать своим детям опыт открытого, доверительного отношения к миру.

Продолжая раскрывать эту тему, авторы снова обращаются к Библии, показывая, что характер отношения Бога к человеку носит черты как отцовской, так и материнской любви, хотя и безмерно их превосходя. Здесь авторы подходят к вопросу об исправлении последствий пережитого в детстве недостатка родительской любви, находящей выражение в ласке. Духовно-молитвенное упражнение, предлагаемое ими, глубоко укоренено в католической духовной традиции, и представляет собой направленную работу с воображением.

Представленный ими клинический опыт убедительно показывает, что осознание истинного отношения Бога к человеку, явленного нам в лице Иисуса, переживание Его присутствия и любви в минуты отчаянной нужды в ласке и утешении, – как в прошлом, так и в настоящем, – позволяют освободиться от сковывающего душу страха перед жизнью, обрести радость и спокойствие и делиться ими с теми, кто нуждается в этом.

Во второй главе освещаются проблемы раннего детского возраста, когда *самостоятельность* (в некоторых переводах – *автономия*) встречает альтернативу в форме *стыда и сомнения*.

Вопрос развития самостоятельности у ребенка теснейшим образом связан с родительской способностью находить разумный баланс между попустительством, с одной стороны, и чрезмерной «твердостью руки» – с другой (этот вопрос авторы снова разбирают на клиническом примере знакомой им семьи).

Отметив связь нарушенной «автономности» с рядом психосоматических расстройств, авторы описывают четыре основных типа защитных поведенческих паттернов у детей в дисфункциональных семьях, подавляющих их самостоятельность: «герой» (или «заботящийся»), «козел отпущения», «клоун» и «брошенный».

Перебрасывая мостик к библейской тематике, авторы приводят в качестве примера здорового разрешения проблемы самостоятельности и ее формирования в детях поведение отца из евангельской притчи о блудном сыне. Другим аспектом той же проблемы, только уже в плане духовного роста, является вопрос о ясной и трезвой оценке своих желаний и страхов в смысле их соответствия (или несоответствия) Божьей воле. Авторы считают равно неприемлемыми как торговлю с Богом, «вынуждение» Его на какие-то действия (например, ссылаясь на Его обещания), так и псевдобесстрашие, которое на поверку оказывается лишь душевной анестезией.

Ссылаясь на Гефсиманскую молитву Спасителя накануне распятия, авторы используют ее в качестве экстремального примера полной отдачи себе отчета в своих желаниях и страхах и выражения их, и вместе с тем – полной свободы от малодушия, свободы, которую человек (и даже Богочеловек!) обретает лишь в полном предании себя воле Небесного Отца.

Снова мы вместе с авторами убеждаемся, что лучшим учителем правильных соотношений «да» и «нет» является только бесстрашное эмпатийное разделение чувств с другими людьми, пример чего нам показал Иисус, разделив с нами наши человеческие чувства. Три ярких примера приводят авторы в качестве иллюстрации: отец, настоявший на том, чтобы сынишка съел нелюбимое блюдо, но разделивший с ним трапезу в игре; пятилетний школьник, чьи страхи перед школой оказались лишь прикрытием страха потери матери после пережитой смерти братика (фобию исцелило переживание обещания Иисуса никогда не оставлять мальчика); взрослая дочь, впервые получившая благословение на гнев, разделив его с Иисусом и осознав, что Он гневается не на ее мать, а на болезнь, уродующую ее душу.

В последних двух случаях использован уже знакомый нам прием целенаправленной работы с воображением. Следует еще раз подчеркнуть, однако, что речь идет не о безудержном заместительном фантазировании, но лишь о возможно более ясном и четком осознании *реальности* присутствия в каждом моменте нашей жизни того самого Христа, который по свидетельству Писания обещал: «Я с вами во все дни, до скончания века» как раз тем, кого упрекал за неверие и косность сердца...

Возраст игры анализируется в третьей главе. Основное содержание этого периода – проблема *инициативы/вины*. Собственно, если быть точнее, то понятие вины в данном случае проходит где-то рядом с понятием гиперответственности. Авторы пишут о случаях

гиперответственности детей, о том, что дети склонны чувствовать себя виноватыми там, где их вины-то нет – например, в случае развода родителей. Но особое внимание они уделяют уже поднятому во второй главе вопросу – о недолжном смещении осуждения греха и осуждения грешника. К сожалению, это смещение практически всегда имеет место, когда речь идет о той или иной форме *н а к а з а н и я*: осуждение самого себя вместо осуждения своего поведения приводит к убежденности в собственной «плохости» и влечет за собой ауто- и гетероагрессию. Первая проявляется депрессией или перфекционизмом, вторая – асоциальным поведением, носящим характер мести родителям, и/или – продолжением практики наказаний уже в собственной семье.

И снова авторы, цитируя Эриксона, подчеркивают, что самый изначальный образ Высших Сил пишется ребенком с родительского портрета.

Авторы ставят под сомнение традиционную психоаналитическую трактовку Эдипова комплекса, утверждая, что ребенок нуждается не в обладании матерью или отцом, но в союзе любви между матерью и отцом – этом обязательном условии полоролевого самоопределения ребенка, который лелеет надежду стать однажды взрослым, «как мама или папа».

Мэтью Линн делится с нами своим опытом, описывая, как гиперответственность в детском возрасте, чрезмерно серьезное отношение к себе и к жизни, почти полностью исключили из нее игровой момент. Лишь осознание того, что Иисус хочет разделить с нами не только тяжесть труда, но и радости игры, позволило ему восстановить разумное равновесие между трудом и отдыхом, и восполнить легкостью игры свою «немецкую тяжеловесность».

Удивительны клинические случаи, приводимые авторами в этой главе. Снятие диагноза «параноидная шизофрения» у 38-летней женщины по имени Сью произошло после переживания большой присутствия Иисуса при сцене смерти ее отца (когда отец умер, девочке было три года; негативное отношение матери к отцу, ее запрет на прощание с ним и проявление чувств по этому поводу послужили основным патогенетическим фактором). Мальчик по имени Мануэлито, страдавший клаустрофобией после того, как однажды застрял в лифте, избавился от своих страхов, пережив присутствие Божье в травмировавшей его некогда ситуации.

В завершение главы авторы еще раз останавливаются на смысле и содержании работы с воображением. Их объяснения позволяют нам воспользоваться лингвистикой для более полного осознания значения этого слова: *во-образ-ить*, т.е. найти образ для проявления существующего, но не явленного, чтобы сделать его доступным сфере сознания и разума. Речь опять-таки идет не об изобретении несуществующего, а лишь, так сказать, о переводе духовного текста

метафизических реалий на душевный язык психологических феноменов, делающий эти реалии достоянием не только индивидуального, но и социального опыта.

Глава четвертая содержит описание следующей стадии – школьного возраста. Альтернатива возможностей развития в этот периода формулируется как *достижение/чувство неполноценности*.

Авторы отмечают, какую важную (и нередко отрицательную) роль играет здесь обстановка в школе. Они приводят данные исследований о том, что успеваемость ученика напрямую зависит от установки педагога на его ожидаемые способности; о том, что царящий в школах дух соревнования гораздо менее способствует усвоению материала, сравнительно с духом сотрудничества. Приводя примеры из жизни знаменитых людей, они отмечают, что далеко не все великие были с детства отмечены печатью гениальности, а многие вообще считались отстающими учениками. Эдисон, после тысяч безуспешных попыток создавший наконец электрическую лампочку, п о в т о р н о доверяет ее рукам неловкого помощника, только что разбившего первый экземпляр: он понимал, насколько терпеливое сотрудничество важнее духа перфекционизма, заключают авторы.

Далее они размышляют о том, как часто в жизни имеет место перенос наших впечатлений от учителей и родителей на образ Божий («я Тебе – добродетель, Ты мне – любовь!»), и насколько он неоправдан. Лежащее в его основе заблуждение заключается в недостаточно ясном понимании того, что ведущим мотивом деятельности человека должна быть *любовь* к Богу и ближнему, а не тяга к абстрактному техническому или даже «нравственному» совершенству. Удивительный пример четы Лемке, на протяжении многих лет жившей надеждой и молитвами за своего парализованного сына, который впоследствии стал пианистом и певцом, является реальным воплощением той самой *синергии, сотрудничества* человека и Бога, которая является сердцевиной христианского делания.

Два других примера исцеления через совместную молитву, приведенные авторами, иллюстрируют, как психотерапевт, консультант может послужить лечебным орудием для выявления и обезвреживания перенесенных в прошлом обид и психических травм. Второй пример – психогенная аграфия у девочки, которую учитель на глазах всего класса подверг осмеянию за допущенную ошибку, особенно интересен тем, что он ставит вопрос о существовании неразрывной связи между освобождением от последствий травмы и прощением пострадавшим того, кто причинил ему боль.

Авторы постоянно подчеркивают, что любовь Бога к человеку *безусловна* и, значит, свободна от какого бы то ни было перфекционизма. Спаситель любит нас не за то, что мы хорошо поступаем. Когда мы ошибаемся или даже намеренно поступаем плохо, он не перестает любить нас, и не начинает любить меньше. Его отношение к *нам* вообще очень

мало связано с отношением к *нашему поведению*, как наше отношение к любимому человеку мало связано с художественным качеством его фотографии. Напротив, увидев замаранный грязью дорогой образ, движимые именно любовью мы постараемся очистить его.

Отрочество, о котором речь идет в пятой главе, – период жизненного *самоопределения*. Антагонистическая пара вариантов развития в течение этого периода – *поиск идентичности/диффузия идентичности*. Вопросы «кто я?», «зачем я?», «что мне надлежит делать?» – вот материал, подлежащий проработке на этой стадии. При этом неизбежно встает вопрос о критериях и системе ценностей, которыми подросток будет руководствоваться при решении проблемы самоопределения. А это, в свою очередь, ведет к необходимости критического переосмысления тех норм и ценностей, которыми руководствовалось предыдущее – родительское поколение. Авторы считают одинаково неблагоприятным как слепое социальное копирование родителей, так и нигилизм, ниспровергающий все и вся. Вместе с тем, они соглашаются с мнением Анны Фрейд, что некоторые черты протеста и бунта, которые могут служить признаком невротизма или психопатии в любом другом возрасте, подростковому периоду присущи, так сказать, органически.

Речь идет не о том, как заставить тинэйджера подчиниться родительским нормам – это может вылиться либо в патохарактерологическое развитие, либо в бесхребетный инфантильный конформизм. Надо вооружить подростка «навигационным оборудованием», необходимым для поиска своего предназначения. Путь к последнему нередко лежит через довольно мучительное осознание и освобождение от той «части себя», которой юноша или девушка более всего стыдятся и не хотят замечать. При отказе от осознания своих недостатков конструктивное самоопределение становится невозможным. В этом случае понятие жизненного самоопределения подменяется каким-либо иным, например – самоопределением профессиональным. Деннис Линн описывает, как он смог освободиться и от власти родительских установок, и от подобной уплощенной Я-концепции, лишь совершив в 18-летнем возрасте полное исповедание грехов.

Не обходится стороной и такая острая в этом возрасте грань Я-концепции, как половая самоидентификация. Авторы приводят удручающую статистику распространенности случаев сексуального насилия и его тяжелых психо-социальных последствий. Однако и здесь обращение к духовным первоосновам позволяет преобразить утрату в дар, а боль от обиды – в радость сопереживания. От этой темы авторы переходят к более подробному рассмотрению уже затронутого ранее вопроса о представленности как мужских, так и женских качеств в Божественной сущности. Согласно логике их богословско-психологического анализа, именно этот факт делает возможным духовное

исцеление обеих ипостасей человеческой природы (как мужской, так и женской) через обращение к Богу.

Близость (в традиционном переводе – *интимность/изоляция*) – альтернатива следующего возрастного периода – *молодости*, которому посвящена шестая глава. На смену решения интраперсональных проблем «кто Я?» и отношения к самому себе приходит время решения проблем интерперсональных – «кто МЫ?», установление взаимоотношений с ближним.

Авторы сразу же определяют тот основной принцип, который должен лежать в основе складывающихся взаимоотношений самых разных людей: это принцип *взаимодополнительности*. Индивидуальные различия, т.е. то, что нередко приводит к вражде и противостоянию, являются, по мысли авторов, залогом взаимообогащающего сотрудничества. Парадокс этот разрешается неожиданным, хотя и безукоризненно логичным образом. Для проникновения в мир другого человека, обогащения *его* и *им*, необходимо глубокое жертвенное самоотречение от своей самости и инаковости, и бесстрашное разделение с ближним его переживаний. И снова за строками явственно проступает образ Основателя этого пути, проложившего дорогу нисхождения сострадающей любви до самых inferнальных глубин нашего исковерканного злом бытия. «И свет во тьме светится, и тьме его не объять...»

Никакой «технический», даже психотехнический профессионализм не в состоянии заменить эту способность к эмпатии, что наглядно демонстрирует анализ клинических случаев. Исцеление женщины, находившейся в глубоком психозе в течение восемнадцати лет, и часами крутившейся на вращающемся стуле, наступило после того, как простой служащий госпиталя (не психиатр!) стал... крутиться на другом стуле рядом с ней. Напротив, многомесячный процесс психоанализа в другом случае оказался безуспешным именно потому, что специалист считал необходимым соблюдать значительную эмоциональную «клиническую дистанцию».

К базовому условию установления близости авторы относят аффирмацию. Они выделяют четыре ее момента:

- необходимость собственного пережитого опыта аффирмации;
- способность увидеть в душе ближнего нечто, столь же достойное аффирмации и любви;
- отказ от насильственного захвата чужой психической территории (даже с благими целями), граничащий с безусловностью любви, о которой упоминалось выше;
- при проявлении аффирмации особое значение придается невербальным способам общения.

В качестве иллюстрации путей установления психологической близости авторы приводят несколько поразительных клинических случаев, автобиографический материал и данные социологического исследования

благополучных семей.

В седьмой главе, которая посвящена *зрелому возрасту*, рассматривается проблема заботливого и ответственного *родительства* (переводы вроде *творчества*, а тем более – *производительности* приводят к искажению смысла), которое является альтернативой *стагнации*, или *застою*.

Авторы пишут о *кризисе смысла*, характерном для этого периода. Не важно, идет ли речь о биологическом потомстве или духовных наследниках, – вопросы все те же: что я могу и хочу им передать? *Как* передать, чтобы быть услышанным? И – что мне надлежит еще сделать до *ухода*?

На примере Джо, члена Общества анонимных алкоголиков, авторы разбирают внутреннюю динамику описываемого периода. Несвоевременные и во многом компенсаторные попытки Джо пропагандировать трезвость среди других алкоголиков закончились срывом самого «проповедника»: дать другим можно лишь то, что дано самому и самим воспринято, – гласит непреложный духовный закон. Однако по мере утверждения и укрепления Джо на трезвеннической жизненной позиции, он знакомится с другим, не менее непреложным законом: если не раздавать то, что было дано и воспринято, то оно будет отнято. На этой ступени Джо также может грозить срыв, если он не будет заботиться о слабейших и менее опытных членах этого объединения.

Авторы утверждают, что для гармоничного и правильного развития способности к ответственному родительству необходим реальный опыт сострадания реальным конкретным людям. Приводя пример собственного обращения от «книжного», отвлеченного сострадания жертвам войн, болезней и голода к реальному и живому сопереживанию конкретным страдающим людям, авторы дают чеканную формулировку, выражающую самую суть христианского активного сострадания: «Я не могу допустить, чтобы это случилось с моей сестрой или братом».

Однако позиция авторов весьма далека от того разгула психолого-педагогического тоталитаризма, который мы имеем несчастье наблюдать почти повсеместно. «Я не могу допустить» относится к *своей* позиции, а не к позиции брата или сестры. Если я чувствую себя не вправе оставаться в стороне и не предпринимать никаких усилий, то, предпринимая эти усилия, я тем более не вправе *требовать* от брата или сестры неременной отдачи.

Деятельностный тупик бессилия или нравственный тупик манипулятивного тоталитаризма – удел секуляризованной психологии и психотерапии при столкновении с упорным нежеланием клиента или воспитанника менять травмирующую его самого и окружающих жизненную позицию. И лишь христианство, вслед за своим Основателем, дает нам возможность *собой*, своими молитвенными усилиями заменить самых, казалось бы, безнадежных ближних, взвалить на себя

предназначенное им бремя духовного труда. Так некогда Господь, будучи в человеческой плоти, взял на себя Крест и бремя, предназначенные для нас... И для тех, кто пошел по этому пути безоглядно, сбывается Его обещание о благодати ига и легкости бремени.

Старость – тема последней, восьмой главы. Время подведения итогов здешней, земной жизни, и подготовки к дальнейшему переходу в края нездешние... *Интеграция* (в лучших переводах – *целостность личности*) – в случае успешного разрешения кризисов и проблем предыдущих периодов, принятия своей судьбы как бесценного дара Божьего и предания себя в Его любящие руки. *Отчаяние* и *страх смерти* – если ставка делается на самооправдание и собственную значимость, измеряемую властью над другими. Тема смерти и отношения к ней – вот ключ к рассматриваемой проблеме. Авторы начинают главу с драматического описания жизни заключенного концлагеря, на глазах у которого были расстреляны все его близкие. Он умолял солдат убить и его, но был оставлен в живых, так как знал шесть иностранных языков. И вот человек, находившийся за всякой мыслимой гранью отчаяния, находит себя в том, что... выступает в роли *примирителя* заключенных разных национальностей между собой и с лагерной охраной.

Мэтью Линн делится своим опытом, рассказывая о том, как на его глазах в Боливии медленно умирал от лейкемии отец семейства. Его обычными словами, пока он был в сознании, были слова благодарности. Но незадолго до смерти он впал в делириозное состояние и стал отстранять и отгонять ухаживающих за ним родных. Их терпеливая забота до конца раз и навсегда исцелила Мэтью от страха перед возможностью «неблагодетливой» кончины – в беспомощности, без смиренной молитвы на устах. Он осознал, что Любящие Руки, прообраз которых он видел в ухаживающих, не оставят его, в каком бы неприглядном состоянии он ни находился.

Авторы ссылаются на книгу сестры Мэри Джейн, материалом для которой послужил опыт заботы о более чем 150 умирающих престарелых. Этот опыт показывает, что для мирной кончины необходимо, чтобы человек почувствовал себя свободным от круга земных обязанностей и связей. Нередко тихая и покойная смерть наступала после того, как человек получал возможность отдать окружающим то небольшое, что еще привязывало его к этой жизни – будь то воспоминания о прошлом или привезенные некогда из паломничества реликвии.

Интересно приведенное авторами мнение психиатра Роберта Н.Батлера о том, что столь болезненно воспринимаемые подчас молодыми стариковские рассказы о «старых добрых временах» являются инстинктивной фиксацией на позитивных воспоминаниях, защищающей пожилых от отчаяния, этого, по образному выражению авторов, «капкана старости». Шейла Фабрикант рассказывает о глубоких, происшедших незадолго до смерти изменениях в характере ее матери. Отношения,

казалось бы, безнадежно утратившие характер близости и откровенности, вовсе не исчезали, лишь были до времени скрыты. Переживание смерти матери позволило Шейле осознать, что для Божьей любви сама смерть не является преградой, но служит лишь тропой для долгожданной встречи с Тем, Кто вел нас к Себе по жизни и прошел нам навстречу через смерть.

В приложениях, следующих за восьмой главой, авторы снова поднимают вопрос о необходимости *безусловного прощения* при молитве за другого человека, иллюстрируя это еще двумя примерами. Всегда есть соблазн как бы поставить Богу условия: я вот, мол, помолюсь и прошу его, но только если он... Однако парадокс заключается в том, что подлинные чудеса происходят не там, где идет подобная торговля, а там, где она уступает место жертвенной и бескорыстной самоотдаче, не ставящей никому никаких условий, но высшую награду видящей в одной только возможности поучаствовать в несении ига Христова. Не пытаться изменить другого человека своим добрым отношением к нему, но пытаться изменить свое отношение к нему в сторону более доброго, *независимо* от того – захочет он сам меняться, или нет.

Каждый сам в ответе за свою жизнь – эти слова рефреном звучат в последних главах книги, напоминая нам евангельские притчи о бревне и соломинке, и грозное апостольское предостережение любителям «похвалиться в чужой плоти», пронизывающее все послание к Галатам. Удивительным образом этот настрой перекликается со словами преподобного Серафима Саровского: «Стяжи мир в своей душе – и вокруг тебя спасутся тысячи». Глубокое духовное родство, укорененное в предании неразделенной Церкви, оказывается сильнее времен и расстояний, языковых и культурных различий.

Достоянием этого наследия Церкви является и общая для всех христиан глубочайшая убежденность в неуничтожимости образа Божия в человеке никакими силами зла. Именно эта надежда, которая, по апостольскому слову, «не постыжает», дает верующим мужество в самые тяжелые времена и в самых безнадежных обстоятельствах повторить, вслед за Дагом Хаммарскийолдом, те слова, которыми заканчиваются первая и последняя главы книги: *За все, что было – благодарю! Всему, что будет – да!*